

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/ETUIRE>

УДК 821.112.2.0

ББК 83.3(4Фра)4 + 83.3(4Гем)4

ОХОТНИЧЬИ ПТИЦЫ В НЕМЕЦКОМ ЭПОСЕ И КУРТУАЗНОМ РОМАНЕ

© 2023 г. А.В. Хохлова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук,*

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 20 января 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 06 марта 2023 г.

Дата публикации: 25 июня 2023 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-68-85>

Аннотация: В статье рассматриваются функции охотничьих птиц в средневековом немецком эпосе и куртуазном романе. Несмотря на ряд общих значений, которые закреплялись за соколами и ястребами в средневековых bestiariaх и охотничьих трактатах, семантика охотничьих птиц могла значительно отличаться в произведениях разных национальных и жанровых традиций. «Песнь о Нибелунгах» и «Кудруна», оставаясь эпическими произведениями по своему происхождению и содержанию, создавались поэтами, жившими в эпоху расцвета проникающей из Франции куртуазной культуры, и стремление «осовременить» звучание старинных сказаний проявлялось на разных уровнях текста, в том числе и в сценах с участием охотничьих птиц. Эти же сцены демонстрируют силу жанровой природы произведения, когда «заимствованные» из куртуазной культуры элементы трансформируются, чтобы адекватно вписаться в единое эпическое полотно поэм. В статье проводится анализ сцен с участием охотничьих птиц в значимых куртуазных романах XIII в. Гартмана фон Ауэ, Вольфрама фон Эшенбаха и Готфрида Страсбургского, а также — для полноты картины — Кретьена де Труа.

Ключевые слова: эпос, куртуазный роман, соколиная охота, любовная метафора, сон о соколе, «Песнь о Нибелунгах», «Кудруна», «Парцифаль», «Эрек и Энида», «Тристан и Изольда».

Информация об авторе: Алена Владимировна Хохлова — аспирант, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; преподаватель, Школа Актуальных Гуманитарных Исследований, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, пр. Вернадского, д. 82, 119571 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9786-0060>

E-mail: al.v.hohlova@gmail.com

Для цитирования: Хохлова А.В. Охотничьи птицы в немецком эпосе и куртуазном романе // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 2. С. 68–85.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-68-85>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 8, no. 2, 2023

HUNTING BIRDS IN GERMAN EPIC AND COURTLY ROMANCE

© 2023. Alyona V. Khokhlova

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Moscow, Russia*

Received: January 20, 2023

Approved after reviewing: March 06, 2023

Date of publication: June 25, 2023

Abstract: The article examines the functions of birds of prey in medieval German epic poems and chivalric romance. Despite a number of common European meanings assigned to falcons and hawks in medieval bestiaries and hunting treatises, the semantics of hunting birds may have differed significantly in works of different national and genre traditions. *The Nibelungenlied* and *Kudrun* were epic in origin and content, but created in the era of the courtesan. The poets' desire to "modernize" the sound of ancient tales manifested itself at different levels of the text, including hunting birds' scenes. These scenes also demonstrate the strength of the genre nature of these poems, when elements "borrowed" from the courtly culture are transformed to fit adequately into the epic text. The article analyses scenes involving hunting birds in the most important 13th-century chivalric romances by Hartmann von Aue, Wolfram von Eschenbach, Gottfried von Strassburg and Chrétien de Troyes.

Keywords: epic, chivalric romance, falconry, love metaphor, falconry dream, *The Nibelungenlied*, *Kudrun*, *Parzival*, *Erec and Enide*, *Tristan and Isolde*.

Information about the author: Alyona V. Khokhlova, PhD Student, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Lecturer, School for Advanced Studies in the Humanities, Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadskogo Ave. 82, 119571 Moscow, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9786-0060>

E-mail: al.v.hohlova@gmail.com

For citation: Khokhlova, A.V. "Hunting Birds in German Epic and Courtly Romance." *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 2, 2023, pp. 68–85. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-68-85>

Охотничьи птицы — в основном соколы и ястребы — сопровождали средневековых аристократов как на охоте, так и в повседневной жизни, и естественно, что в культуре и литературе этой эпохи вокруг охотничьих птиц сложился целый комплекс символических значений¹. При этом в различных жанровых и национальных традициях интерпретация образов охотничьих птиц несколько различалась.

Появлению соколиной охоты Европа, по всей видимости, обязана гуннам и аланам, принесшим это искусство в конце V в. н.э. [13, р. 151] — именно к этому времени относятся первые упоминания охоты с птицами в скандинавских землях [12, S. 116]. Несколькими десятилетиями позднее в «Салической правде» (*“Lex Salica”*, 507–511 гг.) и «Баварской правде» (*“Lex Baiuvariorum”*, VI–VIII вв.) уже прописываются меры наказаний, предусмотренные за похищение или убийство охотничьей птицы. В более поздних правовых документах, таких, как «Саксонское зеркало» (*“Sachsenspiegel”*, 1221–1225 гг.), подобные статьи сохраняются².

Трактаты, которые начали создаваться во второй половине XII в.³, включали в себя в том числе и попытки рассмотреть охотничьих птиц в ка-

1 Так, например, в бестиариях линька ястребов ассоциировалась с отказом от лжи и принятием простой и благочестивой жизни; дикие ястребы аллегорически сопоставлялись со злыми и грубыми людьми (например, в «Йорксском бестиарии»), тогда как прирученных птиц могли сравнивать даже со священниками, приводящих мирских людей в лоно Церкви (в «Абердинском бестиарии»). Меньшего внимания удостоивались соколы: в редких источниках отмечается их верность хозяину, что позволяло соотносить их с образом честного и храброго человека [21, р. 94].

2 «Певчих птиц, и охотничьих птиц, и борзых собак, и гончих собак, и ищеек можно возместить столь же хорошими, если это будет скреплено присягой на реликвиях» [19, с. 99].

3 *“De cura accipitrum”* или *“De Avibus Tractatus”* (ок. 1150) английского философа-схоласта Аделарда Батского — единственный известный трактат, посвященный заботе об охотничьих птицах, созданный в XII в.; наиболее активно трактаты о птицах стали появляться в XIII в.

честве элемента, определяющего социальную и философскую роль человека в окружающем его мире. Так, одна из глав трактата «Об искусстве соколиной охоты» (*“De arte venandi cum avibus”*, XIII в.) императора Священной Римской империи Фридриха II целиком посвящена рассуждениям о том, почему соколиная охота является самым благородным видом охоты [26, S. 7], и через весь труд прослеживается стремление императора объяснить читателю (а именно своему сыну Манфреду) истинную природу вещей⁴. Несомненно, важной для Фридриха была идея, почерпнутая им из арабского трактата под условным названием «Моамин», согласно которой охота является единственным развлечением, которое отличает короля от простых людей [2, с. 454].

Охотничьи трактаты суммировали и закрепляли не только фактические знания, но и уже распространенные в обществе символические представления о соколиной охоте, так как создавались либо одновременно с произведениями шпильманов и миннезингеров, в которых встречались охотничьи птицы, либо значительно позднее: это касается в первую очередь произведений, которые мы рассматриваем в статье, — романов Гартмана фон Ауэ, Вольфрама фон Эшенбаха, Готфрида Страсбургского и двух немецких эпических поэм. Поэты XII–XIII вв. на практике знали ценность хорошо тренированного сокола и воочию могли наблюдать, с каким трепетом и заботой аристократия относится к своим птицам. Потому упоминания соколов / ястребов в большинстве случаев выступали либо маркером статуса, либо являлись частью метафор и аллегорий, позволявших сравнивать возлюбленного прекрасной дамы (или даже саму даму) с хищной охотничьей птицей.

Несмотря на то, что общее понимание роли охотничьих птиц в жизни придворных в целом обладало схожими чертами, изображение и трактовка их образов и функций могла значительно различаться в зависимости от национальной и жанровой традиции, в рамках которой творил тот или иной поэт. Отличия, появляющиеся при переложении произведения на другой язык — если мы сосредоточимся на немецкоязычных текстах, — возникали из стремления миннезингеров пояснить своей публике особенности куртуазной французской культуры и сделать текст более понятным и близким.

4 Рассуждения о том, какой из видов охоты считать наиболее благородным, — не редкость для средневековой литературы. Подробный спор со множеством аргументов присутствует, например, в *“Le Livre de roy Modus et la roine Racio”* (XIV в.), однако ответа автор не дает [1, с. 249].

Гораздо больший интерес представляют сходства и различия, возникающие в изображении охотничьих птиц в рамках одного языка, но разных жанровых традиций — эпоса и куртуазного романа.

К концу XII – началу XIII в. на немецкий язык уже переложены все значительные французские произведения, созданные в жанре рыцарского романа, — романы об Ивейне, Эреке, Ланцелете и других героях. В это же время или чуть позднее создаются и самые значимые произведения немецкого героического эпоса — «Песнь о Нибелунгах» (Nibelungenlied, ок. 1203 г.), «Кудруна» (Kudrunlied, ок. 1230–1240 гг.) и ряд поэм о Дитрихе Бернском. Пусть стадийно эпос предшествует роману, авторы не могут избежать влияния проникающей в немецкую культуру куртуазности, ведь звучание старшего немецкого эпоса перестает удовлетворять вкусам образованной публики.

Перед шпильманами, которые решились взяться за написание произведений о героическом прошлом своего народа, стояла сложная задача: не просто пересоздать старые легенды, но актуализировать их, поставить в один ряд с популярными в это время рыцарскими романами [5, с. 126]. Костяк произведений оставался «исконно германским», а вот язык текста, отдельные события, персонажи и их интерпретация подвергались серьезной переработке, и сцены охоты не стали исключением.

Поэтому многие исследователи сходятся во мнении, что вступительная авантюра в «Песни о Нибелунгах» — а именно сон Кримхильды о соколе, которого она приручает и воспитывает, пока его не заклеывают два орла, — является порождением куртуазной культуры, проникшей в легенду еще на этапе написания несохранившейся предшественницы поэмы — «Песни о Брюнхильде» [5, с. 78; 9, р. 178–179]. Примем это за данность и попытаемся рассмотреть данную сцену, а также сцену соколиной охоты Ортивина в «Кудруне» в качестве «заимствований» из куртуазного рыцарского романа. Для этого проанализируем, как соколиная охота изображалась в произведениях куртуазной культуры.

Андрей Капеллан в своем трактате «О науке куртуазной любви» (De Amore, XII в.) использует образ сокола, чтобы метафорически показать неправильные способы ухаживания за дамой и научить читателя правильным [11, S. 87]: «И тогда-то, стяжавши сокола с обеими собаками, посмотрел он и увидел писанную грамоту, к соколиному столпу на золотой цепи подвешен-

ную, и о ней спросивши со вниманием, такого удостоился ответа: “Сие есть грамота, в коей писаны правила любви”...» [18, с. 400]. Охотничьи птицы либо становились элементами любовной метафоры, либо характеризовали рыцаря, которому они принадлежали, либо совмещали обе эти функции. Для верной трактовки отношения автора к герою необходимо было учитывать род птицы (дербники, например, ассоциировались в основном с детьми и подростками благородного происхождения, а ястребы-перепелятники — с дамами) [8, р. xxviii], ее возраст и особенности внешности.

Функцию любовной метафоры охота принесла с собой из Античности — жертвами «охоты любви» становились, например, Дафна, преследуемая Аполлоном, и Дидона [16, р. 93], а в германском фольклоре, сказках и эпической литературе, в свою очередь, обнаруживается схожий мотив добывания жены на охоте⁵. В античных источниках охота с ловчими птицами встречается нечасто [13, р. 153], в отличие от средневековых текстов, где в ряде случаев соколы и ястребы прямо или косвенно ассоциируются с персонажами и могут включаться в любовную метафорику.

Так, первую авантюру романов об Эреке у Кретъена де Труа (*Erec et Enide*, ок. 1162 г.) и Гартмана фон Ауэ (*Ereck*, ок. 1180–1190 гг.), по мнению некоторых исследователей, можно рассмотреть как сложную многоуровневую любовную метафору [16, р. 111–112; 10, р. 87]. В немецкой версии король Артур охотится за оленем, пока Эрек, оскорбленный карликом, как будто бы начинает свою собственную «охоту»; добычей Артура становится белый олень, «добычей» Эрека — Энида; король Артур является самым лучшим рыцарем по праву своего происхождения [4, с. 176], а Эрек утверждает свое право зваться лучшим рыцарем в поединке. Артур получает от Эниды поцелуй «по праву добычи» (*“recht”, vv. 1104–1111; 1754 [25, S. 109]*) и тем самым признает ее самой прекрасной дамой при дворе, Эрек же получает в жены саму Эниду, вручая ей в качестве символа своей любви ястреба-перепелятника: этим жестом он как будто бы передает девушке во владение самого себя.

Перечисленные события являются общей фабулой и французского «оригинала» Кретъена де Труа, и переложения, выполненного Гартманом фон Ауэ (утрачено самое начало немецкого романа, описывающее охоту

⁵ Яркий пример находим в «Песне о Вёлунде» (*Völundarkviða*, вторая половина XIII в.), где Вёлунд и его братья на зимней охоте встречают сестер-валькирий в лебединых одеждах.

Артура), однако в немецком тексте обозначенная нами метафора любовной погони — случайно или намеренно — редуцируется. В немецком «Эреке» вместо белого платья, подчеркивающего ее бедность и невинность и позволяющего провести параллель с преследуемым оленем, Энида носит зеленую юбку. Белый цвет присутствует в ее портрете, но это совершенно классические для куртуазной лирики сравнения: так, поэт уточняет, что девушка была «бела как лебедь», «как белая лилия среди черных терний» (weyz als sam ein schwan, v. 330; ir leib schain durch jr salbe wat als sam die lilie, da sy stat vnnder schwartzten dornnen weys, v. 336–338). При этом в произведении Гартмана Эрека все еще можно сопоставить с ястребом-перепелятником. Упоминание конкретного вида птицы (sperwære, l'espervier), которую Эрек вручает Эниде, помимо прочего, коррелирует с историческими реалиями эпохи и утверждает их в литературной форме: этот вид птиц особенно ценился женщинами, которые нередко принимали участие в соколиной охоте [11, S. 91].

Еще одна соколиная метафора в версии Гартмана фон Ауэ встречается перед свадьбой Эрека и Эниды (во французском тексте — в описании их брачной ночи, v. 2027–2023 [23, p. 62]):

da aines das annder ansach,
da was jn baiden nicht bas
dann einem habiche der im sein mas
von geschichten ze augen bringet
so jn der hunger zwinget
vnd als es im getzaiget wirdt
was Er es dafür mer empirt
dauon muos jm wirsz geschehen
dann ob ers nit het gesehen
vv. 1861–1869 [25, S. 145].

(Когда один из них видел другого, это было подобно тому, как пища случайно проносится перед глазами ястреба, когда голод мучает его. И когда ему показывают пищу, и он должен долго воздерживаться от еды, это хуже для него, чем если бы он ее не видел.)

В приведенном выше отрывке упоминается ястреб-тетеревятник (“habesch”, во французском же варианте этого сравнения речь вновь идет о ястребе-перепелятнике — “n’espreviers ne vient a reclaim...”, v. 2029) — самая крупная из охотничьих птиц. Она редко появлялась в литературных метафорах, уступая первенство соколам и более легким и маневренным видам ястребов. Решение использовать в этой метафоре именно крупную и грубую птицу, жадно бросающуюся на свою добычу, очевидно, было продиктовано желанием поэтов показать силу влечения влюбленных. Кроме того, Гартман вновь исключает короткое сравнение влюбленных с загнанным и умирающим от жажды оленем (Cers chaciez qui de soif alanine ne desirre tant la fontainne, vv. 2027–2028). Эта тенденция к исключению упоминаний оленей и/или замены их на охотничьих птиц в целом сохраняется во многих переложенных на немецкий язык романах.

В любовном контексте появляется сокол и в «Парцифале» (Parzival, ок. 1210 г.) Вольфрама фон Эшенбаха. В VI книге король Артур вместе со своей свитой выезжает в лес на охоту, и он расстроен из-за того, что сокольник потерял его лучшего сокола:

...ir besten valken si verluren:
 <...>
 von überkrüphe daz geschach
 daz im was von dem luoder gâch
 vv. 281, 26; 281, 29–30 [29, S. 285].

(...Они потеряли лучшего сокола: <...> Все потому, что его перекормили,
 и он не повелся на приманку.)

Тем временем улетевший сокол прибавляется к Парцифалу, блуждающему в лесу, и следует за героем. Вместе они добираются до места, где обитают дикие гуси: проголодавшийся сокол бросается на птиц и ранит одну из них. Три капли крови падают на первый снег и напоминают Парцифалу лицо его возлюбленной Кондвирамур, отчего рыцарь погружается в себя и цепенеет.

Эта сцена разворачивается на фоне необычного пейзажа: несмотря на приближающуюся Троицу, лес и луг завалены снегом (vv. 281, 12–13; 281,

18–19). С одной стороны, белый цвет — следуя традициям кельтского фольклора, из которого вырастает артуровский цикл, — а также птицы являются признаками перехода в иной мир [6, с. 108] и позволяют сначала отделить Парцифалья от куртуазного мира короля Артура, а затем и вовсе обозначить переход из мира «реального» в мир «мечтаний» о прекрасной Кондвир-мур. С другой стороны, Вольфрам фон Эшенбах подчеркивает принадлежность сокола королю Артуру (“Artûs valke”, v. 282, 12) и обращает внимание на некий союз, который образуют сокол и Парцифаль (die naht bî Parzivâle er stuont, da in bêden was der walt unkuont und dâ se bêde sere vrôs, v. 282, 1–3). Это, напротив, «заземляет» Парцифалья в куртуазном мире, переносит его страдания из «дикого» леса в более цивилизованное пространство — тогда как в «Персевале» Кретьена де Труа в сцене появляется дикая птица (vv. 4171–4183).

У Вольфрама сбежавший сокол очевидно сопоставляется с Парцифалем, который также удалился от двора короля Артура и своей возлюбленной. Артур тоскует и по соколу, и по Парцифалю, при этом дальнейшая судьба птицы остается неизвестной, так как ее место занимает ненадолго вернувшийся ко двору Парцифаль.

Сюжет о Тристане и Изольде занимает особое место среди средневековых легенд, и традиционно принято разделять существующие литературные памятники на две версии: приближенную к эпической традиции (commune) и куртуазную, в рамках которой творил Готфрид Страсбургский (Tristan, ок. 1211–1215) [7, р. 118–124]⁶. В его романе с ястребом-перепелятником (sperwære) и соколом (valke) сравнивается Изольда:

...gelîch dem sperwære,
gestreichet alse ein papegân.
si liez ir ougen umbe gân
als der valke ûf dem aste.
ze linde noch ze vaste
haeten si beide ir weide

vv. 10994–10999 [24, S. 237].

6 Позднее было предложено другое деление — не на две, а на три традиции: эпическую, лирическую и рыцарскую [4], но в рамках данного исследования мы опустим этот вопрос.

(...как ястреб-перепелятник, нарядная, как попугай, она бросала взгляды вокруг себя, как сокол на ветке, то мягко, то цепко выглядывала она свою добычу.)

В тексте романа Изольда неоднократно сопоставляется с хищной птицей: это сравнение призвано подчеркнуть красоту Изольды, ее вольнолюбивый нрав — покуда не выпит любовный напиток, сердце Изольды остается свободным. С другой стороны, Готфрид Страсбургский называет ее также и “*der minnen vederspil*” (vv. 10986–10987) — вабилом⁷ Любви, что приводит к другой распространенной в средневековой литературе метафоре: так благородный рыцарь стремится к своей возлюбленной, как сокол летит на приманку сокольника [8, р. xxix].

Один эпизод из «Песни о Нибелунгах» вписывается в перечисленный ряд любовных метафор с охотничьими птицами. Поэма начинается с короткого сна Кримхильды, в котором она приручает и тренирует прекрасного молодого сокола, а того через некоторое время заклеивают два орла (*si züge einen valken... <...> den ir zwêne aren erkrummen*, v. 11). Королева Ута расшифровывает сон своей дочери, предсказывая судьбу ее будущего супруга (*der valke, den dû ziuhest, daz ist ein edel man...*, v. 12).

Это первый из трех вещей снов о смерти Зигфрида, что видит Кримхильда. В отличие от последующих снов, предсказывающих уже непосредственно убийство Зигфрида Гунтером и Хагеном (v. 918, 921), этот может трактоваться двумя дополнительными способами. С одной стороны, в этом сне видится стремление Кримхильды (и автора поэмы) научить Зигфрида, прибывшего из далеких Нидерландов — мира эпического и живущего по законам древних легенд, — науке куртуазной любви. Это коррелирует с тем, что Зигфриду предстоит прожить при дворе бургундцев год — именно столько в среднем требовалось на тренировку молодого не линявшего сокола, — а также находит подтверждение на лексическом уровне произведения. “*In disen hôhen êren troumte Krimhilde*” — «В этих высоких покоях снилось Кримхильде»: слово “*hôle*” неоднократно повторяется в первой авантюре (v. 3, 6, 9–11), подчеркивая благородство бургундского двора [9, р. 178]. В другой интерпретации «приручение» сокола-Зигфрида может более пря-

7 Приманка для тренировки охотничьих птиц.

молинейно означать их с Кримхильдой брак и превращение героя в «раба любви». Впрочем, одна трактовка не противоречит другой, и они могут рассматриваться одновременно.

Как уже было сказано, сон о соколе, вероятно, появился в не зафиксированной письменно «Песни о Брюнхильде» (для которой сцена сна также является поздней вставкой), а оттуда вошел в позднюю песню Эдды, созданную в Исландии около 1200 г. [5, с. 72]. Содержание этих песен можно восстановить их по прозаическому переложению в «Саге о Вёльсунгах».

По всей видимости, данный эпизод пришелся по вкусу австрийскому шпильману, знакомому с «Песней о Брюнхильде». Образ прекрасной дамы, приручающей дикого сокола, был в достаточной мере куртуазен и позволял с самого начала задать общий тон произведения: уже не столько сказания о далеком героическом прошлом, а едва ли не любовной истории, происходящей в декорациях феодального двора [5]. Обновление поэмы тем не менее не подразумевало изгнания сказочных элементов — напротив, они хорошо ложились в русло куртуазной культуры.

Тем не менее в куртуазных романах практически нет вещих снов — этот прием характерен для эпической литературы, в которой пророческие сны могут служить в том числе и зачином произведения или появляться в середине повествования, накануне важных событий в судьбе героя. В остальных случаях охотничьи птицы обычно выполняют чисто утилитарную функцию: птица упоминается внутри короткой клишированной фразы, которая просто маркирует начало новой сцены. Более того, вещий сон предсказывает не только любовное чувство, которому предстоит возникнуть между Кримхильдой и Зигфридом, но и убийство героя, что совершенно не характерно, если не сказать недопустимо, для куртуазной литературы. Даже в тех случаях, где любовная погоня заканчивается неудачей (например, погоня за белым оленем в «Персевале» Кретьена де Труа (vv. 5668–5691)), любовная метафора не смешивается с мотивом героической гибели.

Хотя сокол в «Песни о Нибелунгах» и ассоциируется с героем, храбрым витязем, он никак не определяет статус Зигфрида — так же как орлы не определяют статус Хагена и Гунтера; охотничья птица оказывается связана только с вещим сном и включенной в него любовной метафорой. Тем не менее статусная функция охотничьих птиц, обоснованная историческими и культурными реалиями, рассмотренными нами в начале статьи, является

очень важной для куртуазного романа. Даже в рассмотренной ранее сцене из «Парцифала», доминантой которой мы определили любовную метафору, сопоставление героя с соколом позволяет установить его статус: в тексте подчеркивается, что сбежавший сокол, соотносящийся с Парцифалем, был любимым соколом короля Артура.

Другое упоминание охотничьей птицы оказывается связано с репрезентацией рыцарского статуса еще более явственно — речь идет о встрече Гавана на переправе с лодочником Плиппалинотом (vv. 543,1–544,5). Рыцарь-перевозчик не принимает активного участия в придворной жизни, но все еще остается частью куртуазного мира. Символическое значение ястреба, принадлежащего Плиппалиноту, раскрывается при анализе сцены обеда (vv. 550,1–522,5), которым угощают Гавана и Оргелузу. На первый взгляд, все здесь соответствует церемониалу эпохи, кроме подающихся на обед блюд, среди которых оказываются «жаворонки», пойманные ястребом Плиппалинота, белый хлеб, салат (*nu hete daz sprinzelîn erflogn des âbents drî galander*, vv. 550,29–30; *dô brâht ein des wirtes sun purzeln unde lâtûn gebrochen in den vînæger*, vv. 551,19–21). Эти блюда соответствуют придворному обычаю, но в реальности не способны насытить рыцаря, над чем иронизирует и сам Вольфрам фон Эшенбах (vv. 551,22–27). Следовательно, этот обед следует воспринимать в переносном и репрезентативном смысле: автор указывает на то, что молодой сокол не способен обеспечить своего хозяина разнообразной дичью, и этим определяет рыцарский статус Плиппалинота. Возраст птицы, ее вид (в тексте используется слово *mûzersprinzelîn*, которым обозначали молодых ястребов-перепелятников [8, р. 156]) и пойманная ею добыча («жаворонки»⁸) характеризует владельца такой птицы как дворянина, которому не хватает мужественности, — что соотносится с родом деятельности Плиппалинота, вместо поиска приключений переправляющего странников через реку. У лодочника (безымянного), описанного Кретьеном де Труа (vv. 7371–7415), охотничья птица отсутствует; ястреб Плиппалинота, как и все эпизоды с птицами в «Парцифале», — новшество немецкой версии.

8 Принадлежность птицы именно к этому виду вызывает сомнения. Вольфрам фон Эшенбах употребляет слово “galander”, которое, вероятно, могло обозначать жаворонка. В медицинских трактатах эпохи писали, что употребление “galander”-ов в пищу вредит организму, а в куртуазной поэзии в стихотворениях на любовную тематику эти птицы традиционно шли в связке с соловьем, что многократно усиливает ироническую окраску обеда [17, S. 261].

В немецком «Эреке» также можно обнаружить статусную функцию охоты. В уже рассмотренной первой авантюре Эрек, оскорбленный грубым карликом, приобретает статус жертвы (что подчеркивается тем, что он не участвует в охоте короля Артура, а безоружный сопровождает королеву и ее придворных дам), после чего отправляется на собственную «охоту», целью которой является восстановление чести. Погоня приводит Эрека в город, где должен состояться рыцарский турнир, на котором юноша показывает себя превосходным рыцарем и в награду за победу получает ястреба-перепелятника, которого дарит Эниде, самой прекрасной даме, в качестве символа своей любви: “Ich behab den streit daz daz sy schöner were (und næme den sparwære)” (vv. 507–509). Как мы уже определили ранее, ястреба-перепелятника можно трактовать здесь как символ молодого рыцаря — самого Эрека. Отождествленный с охотничьей птицей, рыцарь снимает с себя статус жертвы, приобретенный в начале романа: теперь он охотник, получивший свою добычу — прекрасную Эниду. В новом статусе Эрек возвращается ко двору короля Артура.

Следующий эпизод, в котором охотничьи птицы помогают определить статус персонажа, — это описание подготовки к свадьбе Эрека и Эниды (vv. 2030–2062). На нее приглашены графы и бароны, а также десять королев. Гартман описывает земли, из которых они прибыли, их богатые наряды и отдельно отмечает, что каждый из королев при себе имел четырехлетнего ястреба или сокола, и никто не видел здесь (в землях Артура) такой прекрасной охоты с птицами: “man gesach auch nye souil federspil so manigen schonen fluog getuon” (vv. 2041–2042). Более того, описывая путь королев в Британию, Гартман упоминает, что в дороге они занимались охотой на диких уток, фазанов, журавлей и цапель: “den antvogel und daz huon, den reiger und den vâsân <...> den kranech an dem gevilde und die gans wilde” (vv. 2042–2043, 2045–2046), подчеркивая в том числе и развлекательный элемент охоты. Этим описаниям посвящен довольно длинный пассаж — гораздо длиннее, чем в аналогичном месте у Кретьена де Труа (vv. 1927–1932).

В похожем ключе можно интерпретировать небольшую сцену соколиной охоты в «Кудруне» (vv. 1096–1100). В XXII авантюре поэмы Хильда собирает войско, чтобы отправить в земли норманнов на спасение своей дочери. Послы королевы отправляются к ее сыну, Ортвину, и пребывают в раз-

гар соколиной охоты (mit sinem valkenaere *beizte* da er künic vil kündicliche, v. 1096). Юноша кажется смущенным тем, что его застали за подобным занятием, — ведь мать может решить, что, предаваясь забавам, он забыл о походе, — и, оставив соколов «летать» (die valken liez er vliegen..., v. 1098), устремляется навстречу послам.

Соколиная охота ясно ассоциируется здесь с придворным развлечением — притом несерьезным, иначе было бы непонятно смущение Ортивина перед послами. Для эпоса подобное немыслимо, ведь охота, помимо прочего, — это способ поддерживать свои воинские навыки в мирное время. Вольфрам фон Эшенбах, например, использует неудачную охоту короля Вергулахта, чтобы обозначить его несостоятельность как правителя: король встречает Гавана в костюме простого сокольничего, потому что свою собственную одежду он испортил в болоте, а конь его захромал (vv. 401, 1–4). Негативные коннотации возникают не из-за того, что король занимался охотой, а из-за того, *как* эта охота окончилась — ведь достойный правитель должен быть исключительным рыцарем, одинаково хорошим воином и охотником. Как и в случае с Вергулахтом, негативные коннотации характеристике Плиппалинота придает то, что его молодой ястреб не способен поймать крупную дичь. В противовес этому в «Кудруне» негативная коннотация сопровождает выезд на охоту во время окутывающего страну несчастья.

Помимо особенностей любовной метафоры и статусной функции охотничьих птиц, невозможно не отметить также особенности номинации птиц, встречающихся в немецких эпических и куртуазных текстах. Это и соколы (valke), и разные виды ястребов (sperwære, habech, mûzersprinzelin), и некоторые другие виды птиц (swan, papegân, galander). В случае Вольфрама фон Эшенбаха исследователи считают подобное разнообразие следствием личного увлечения автора темой, а не простым заимствованием [14, S. 656], однако не менее разнообразны списки птиц в упомянутых ранее куртуазных романах других авторов — чего нельзя сказать о немецком эпосе. В «Песни о Нибелунгах» большинство упоминаний птиц ограничиваются безликим “vogel”; в «Кудруне» их набор несколько шире — в начале поэмы юного Хагена похищает гриф (es war ein wilder *grîfe*, der kom dar geflogen <...> sînen sun den jungen muose er von dem starken *grîfen* vliessen), с лебедем сравниваются белые знамена

войска, спешащего спасти Кудруна (*dort sihe ich vanen einen, der'st wizer danne ein swan*)⁹.

Хотя сцены с охотничьими птицами и в «Песни о Нибелунгах», и в «Кудруне» переняли некоторые элементы куртуазного восприятия, однозначно вписать их в один ряд с соколами / ястребами в куртуазных немецких романах не представляется возможным. Эпическая основа произведений неизменно оказывается сильнее модных куртуазных веяний и наделяет заимствования негативными коннотациями. Сон, который метафорически описывает «приручение» Зигфрида Кримхильдой, также предвещает и его гибель; придворное развлечение, призванное продемонстрировать высокое положение рыцарей и правителей, для Ортвина неожиданно становится поводом для стыда.

Пока миннезингеры разрабатывали жанр куртуазного романа на немецком языке, авторы эпических поэм, напротив, пытались выйти за рамки эпической традиции. На примере охоты с птицами мы отчетливо видим, что жанровая природа эпоса оказывалась сильнее и размывала, трансформировала в соответствии со своими нуждами даже отчетливо «куртуазные» элементы, призванные осовременить звучание древних легенд.

Список литературы

Исследования

- 1 Виолле-ле-Дюк Э.Э. Жизнь и развлечения в средние века / пер. с фр. М.Ю. Некрасов. СПб.: Евразия, 1997. 384 с.
- 2 Воскобойников О.С. Эмпиризм в «Книге об искусстве соколиной охоты» Фридриха II: к вопросу о рецепции аристотелевской натурфилософии в первой половине XIII века // *Homo historicus*. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. М.: Наука, 2003. Т. I. С. 452–479.
- 3 Михайлов А.Д. Легенда о Тристане и Изольде. М.: Наука, 1976. 736 с.
- 4 Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М.: Наука, 1976. 351 с.
- 5 Хойслер А. Германский героический эпос и Сказание о Нибелунгах / пер. с нем. Д.Е. Бертельса. М.: Иностранная литература, 1960. 447 с.

9 Но корабли в море сравниваются просто с «птицами» (*sie [scheffe] swebeten sam die vogele in dem wazzer bi dem sande*), и сама Кудруна встречает ангела, что приносит ей весть о скором освобождении из плена, в образе «птицы» (*owê, vogel schoene, du erbarmest mir sô sere, daz du sô vil gefliuzest ûf disem fluote*).

- 6 A Companion to Chrétien de Troyes / ed. by Norris J. Lacy and Joan Tasker Grimbart. Cambridge: D.S. Brewer, 2005. 261 p.
- 7 *Bédier J.* Le Roman de Tristan et Iseut / édition critique par Alain Corbellari. Genève: Droz Textes Littéraires Français, 2012. 298 p.
- 8 *Dalby D.* Lexicon of the Mediæval German Hunt. A Lexicon of Middle High German terms (1050–1500), associated with Chase, Hunting with Bows, Falconry, Trapping and Fowling. Berlin: Walter de Gruyter, 1965. 323 p.
- 9 *Frakes J.C.* Kriemhild's Three Dreams. A Structural Interpretation // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 1984. Bd. 113, H. 3. S. 173–187.
- 10 *Gerli E.M.* Calisto's Hawk And The Images Of A Medieval Tradition // Romania. 1983. Vol. 104, № 413 (1). P. 83–101.
- 11 *Heinig D.* Die Jagd im PARZIVAL Wolframs von Eschenbach: Stellenkommentar und Untersuchungen. PhD Dissertation. Philipps-Universität, Marburg, 2009. 345 p.
- 12 *Hofmann G.* Falkenjagd und Falkenhandel in den nordischen Ländern während des Mittelalters // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 1957. Bd. 88, H. 2. P. 115–149.
- 13 *Mynott J.* Birds in the Ancient World. Oxford: Oxford University Press, 2018. 480 p.
- 14 *Nellmann E.* Wolfram von Eschenbach: Parzival I und II. Text und Kommentar / nach der Ausgabe Karl Lachmanns revidiert und kommentiert von Eberhard Nellmann, übertragen von Dieter Kühn. Frankfurt am Main: Deutscher Klassiker Verlag, 2006. 1838 p.
- 15 *Sciancalepore A.* Hawks and knights: (De)constructing knightly identity through animals in French chivalric literature (12th–13th century) // Reinardus. Yearbook of the International Reynard Society. 2017. Vol. 29, issue 1. P. 120–141.
- 16 *Thiébaux M.* The stag of love: the chase in medieval literature. Cornell: Cornell University Press, 2014. 250 p.
- 17 *Weick R.* Ornithologie und Philologie: Am Beispiel von 'müzersprinzeln' und 'galander' in Wolframs Parzival // Mediaevistik. 1989. Vol. 2. P. 255–269.

Источники

- 18 Капеллан Андрей. О любви / пер. М.Л. Гаспарова // Жизнеописания трубадуров / отв. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Наука, 1993. С. 383–401.
- 19 Саксонское зеркало: Памятник, комментарии, исследования / отв. ред. В.М. Корецкий. М.: Наука, 1985. 272 с.
- 20 Aberdeen Bestiary — MS 24. URL: <https://www.abdn.ac.uk/bestiary> (дата обращения: 08.02.2023).
- 21 *Cecco D'Ascoli.* L'Acerba. Con prefazione, note e bibliografia di Pasquale Rosario. Lanciano: Tip. Dello Stabilimento R. Carabba, 1916. 160 p.
- 22 *Chrétien de Troyes.* La Roman de Perceval ou Le Conte du Graal / par Keith Busby. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1993. 674 p.

- 23 *Chrétien de Troyes. Erec et Enide* / par Mario Roques. Paris: Librairie Honoré Champion, 1966. 356 p.
- 24 *Gottfried von Strassburg. Tristan und Isolt. Dichtungen des deutschen Mittelalters*. 2 Bd. Leipzig: G.J. Goschen'sche Verlagshandlung, 1843. 660 S.
- 25 *Hartmann von Aue. Erec. Abraser Heldenbuch*. De Gruyter, 2022. Bd. 1. 545 S.
- 26 *Kaiser Friedrich II. Über die Kunst mit Vögeln zu jagen* (De arte venandi cum avibus, dt.). Unter Mitarbeit von Dagmar Odenthal übertragen und herausgegeben von Carl Arnold Willemsen, 2 Bände und Kommentarband. Frankfurt am Main: Insel-Verlag, 1964. 278 S.
- 27 Kudrun. Deutsche Classiker des Mittelalters. Mit Wort- und Sacherklärungen. Begr. Von Franz Pfeiffer. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1880. 357 S.
- 28 Das Nibelungenlied. Text und Einführung. Nach der St. Galler Handschrift. Herausgegeben und erläutert von Hermann Reichert. De Gruyter, 2017. 558 S.
- 29 *Wolfram von Eschenbach. Parzival*. Mittelhochdeutscher Text nach der sechsten Ausgabe von Karl Lachmann. Übersetzung von Peter Knecht. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2003. 831 S.
- 30 Worksoop Bestiary. URL: themorgan.org/collection/worksoop-bestiary (дата обращения: 08.02.2023).

References

- 1 Violle-le-Diuk, E.E. *Zhizn' i razvlecheniia v srednie veka* [*Life and Entertainment in the Middle Ages*], trans. from French by M.Iu. Nekrasov. St. Petersburg, Evraziia Publ., 1997. 384 p. (In Russ.)
- 2 Voskoboinikov, O.S. "Empirizm v 'Knige ob iskusstve sokolnoi okhoty' Fridrikha II: k voprosu o retseptsii aristotelevskoi naturfilosofii v pervoi polovine XIII veka" ["Empiricism in Friedrich II's 'Book of the Art of Falconry': On the Question of the Reception of Aristotle's Natural Philosophy in the First Half of the 13th Century"]. *Homo historicus. K 80-letiiu so dnia rozhdeniia Iu.L. Bessmertnogo* [*Homo Historicus. To the 80th Anniversary of the Birth of Yu.L. Bessmertny*], vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 425–479. (In Russ.)
- 3 Mikhailov, A.D. *Legenda o Tristane i Izol'de* [*The Legend of Tristan and Iseult*]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 736 p. (In Russ.)
- 4 Mikhailov, A.D. *Frantsuzskii rytsarskii roman i voprosy tipologii zhanra v srednevekovoi literature* [*French Chivalric Romance and Issues of Genre Typology in Medieval Literature*]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 351 p. (In Russ.)
- 5 Khoisler, A. *Germanskii geroicheskii epos i Skazanie o Nibelungakh* [*Germanic Heroic Epic and the Tale of the Nibelungen*], trans. from German by D.E. Bertel's. Moscow, Inostrannaia literatura Publ., 1960. 447 p. (In Russ.)
- 6 Lacy, Norris J., and Joan Tasker Grimbart, editors. *A Companion to Chrétien de Troyes*. Cambridge, D.S. Brewer, 2005. 261 p. (In English)

- 7 Bédier, Joseph. *Le Roman de Tristan et Iseut*, édition critique par Alain Corbellari. Genève, Droz Textes Littéraires Français, 2012. 298 p. (In French)
- 8 Dalby, David. *Lexicon of the Mediæval German Hunt. A Lexicon of Middle High German terms (1050–1500), associated with Chase, Hunting with Bows, Falconry, Trapping and Fowling*. Berlin, Walter de Gruyter, 1965. 323 p. (In English)
- 9 Frakes, Jerold C. "Kriemhild's Three Dreams. A Structural Interpretation." *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*, bd. 113, h. 3, 1984, pp. 173–187. (In English)
- 10 Gerli, Michael E. "Calisto's Hawk And The Images Of A Medieval Tradition." *Romania*, vol. 104, no. 413 (1), 1983, pp. 83–101. (In English)
- 11 Heinig, Dorothea. *Die Jagd im PARZIVAL Wolframs von Eschenbach: Stellenkommentar und Untersuchungen: PhD Dissertation*. Philipps-Universität, Marburg, 2009. 345 S. (In German)
- 12 Hofmann, Gisela. "Falkenjagd und Falkenhandel in den nordischen Ländern während des Mittelalters." *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*, bd. 88, h. 2, 1957. S. 115–149. (In German)
- 13 Mynott, Jeremy. *Birds in the Ancient World*. Oxford, Oxford University Press, 2018. 480 p. (In English)
- 14 Nellmann, Eberhard. *Wolfram von Eschenbach: Parzival I und II. Text und Kommentar*, nach der Ausgabe Karl Lachmanns revidiert und kommentiert von Eberhard Nellmann, übertragen von Dieter Kühn. Frankfurt am Main, Deutscher Klassiker Verlag, 2006. 1838 S. (In German)
- 15 Sciancalepore, Antonella. "Hawks and Knights: (De)constructing Knightly Identity through Animals in French Chivalric Literature (12th–13th Century)." *Reinardus. Yearbook of the International Reynard Society*, vol. 29, issue 1, January 2017, pp. 120–141. (In English)
- 16 Thiébaux, Marcelle. *The Stag of Love: The Chase in Medieval Literature*. Cornell, Cornell University Press, 2014. 250 p. (In English)
- 17 Weick, Reiner. "Ornithologie und Philologie: Am Beispiel von 'müzersprinzeln' und 'galander' in Wolframs Parzival." *Mediaevistik*, no. 2, 1989. S. 255–269. (In German)